

В. Бобров

Русские народные сказки о животных
(Исследование)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 82-053.2
ББК 74.27
В11

В11 **В. Бобров**
Русские народные сказки о животных: (Исследование) / В. Бобров – М.: Книга по Требованию, 2016. – 158 с.

ISBN 978-5-458-58510-1

В настоящем труде автор задался целью представить подробное обозрение всех русских народных сказок о животных с точки зрения их древности и самобытности. В книге дается детальный анализ сказок, показывающий, что русские народные сказки о животных значительно разнятся от соответствующих произведений народной словестности на Западе. В книге рассмотрены сказки, героями которых являются : Дикие животные (лиса, волк, медведь, олень, белка, сурок, и др.), Домашние животные (кот, баран, собака, лошадь, мышь, и др.), Птицы (петух, орел, цапля, дятел, гусь, и др.), Насекомые (муха, блоха, комар, пчела, и др.).

ISBN 978-5-458-58510-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2016
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2016

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

„Namentlich ist die *russische* Tradition diejenige, die *ursprüngliche Fassung* noch am deutlichsten und *unverfälschtesten* erhalten hat“. (Krek, Einleitung in die slavische Literaturgeschichte, II Aull., p. 643).

ВСТУПЛЕНИЕ.

Въ настоящемъ трудѣ авторъ задался цѣлію представить подробное обозрѣніе всѣхъ — по возможности — наилучше сохранившихся русскихъ народныхъ сказокъ о животныхъ съ точки зрѣнія ихъ древности и самобытности (или заимствованности). Какъ показываетъ эпиграфъ, авторъ раздѣляетъ то мнѣніе недавно скончавшагося почтеннаго профессора Г. Крека, что русскія сказки о животныхъ — по сравненію съ другими — славянскими и западными — превосходятъ ихъ въ отношеніи сохранности и вѣрности древней традиціи. Это и нужно показать путемъ разбора самихъ сказокъ и приложенія къ нимъ различныхъ критеріевъ, между которыми общепринятый критерій древности „естественность“ и „наивность“ играетъ важную роль.

Детальному анализу сказокъ мы предпосылаемъ вступленіе общаго характера; здѣсь въ краткихъ чертахъ мы излагаемъ положеніе вопроса о русскихъ животныхъ сказкахъ, характеризуемъ единственный трудъ, который о нихъ имѣется, Л. З. Колмачевскаго, приводимъ мнѣнія объ этомъ трудѣ ученыхъ спеціалистовъ и, наконецъ, указываемъ нѣкоторые пункты, въ которыхъ наши животныя сказки значительно разнятся отъ соотвѣтствующихъ произведеній народной словесности на Западѣ.

Говоря о животныхъ сказкахъ, нельзя обойти молчаніемъ того великаго ученаго, который *создалъ* самый вопросъ объ этихъ сказкахъ. Великій Яковъ Гриммъ впервые указалъ на значеніе такъ называемаго „животнаго эпоса“; онъ старался выяснитъ происхожденіе, историческую судьбу, сущность, свойства и дальнѣйшее образованіе этого рода словесности и тѣмъ открылъ для историко-литературнаго изслѣдованія совершенно новое поприще. Мы приведемъ его общую характеристику животнаго эпоса.

Свои воззрѣнія на животный эпосъ Яковъ Гриммъ изложилъ въ знаменитомъ, классическомъ трудѣ, котораго не можетъ до сихъ поръ игнорировать ни одинъ изъ занимающихся этимъ эпосомъ. Мы имѣемъ въ виду книгу Я. Гримма Reinhart Fuchs, Berlin, 1834. I глава введенія трактуетъ именно о „сущности животной басни“. По свидѣтельству біографа Я. Гримма, Вильгельма Шерера, „эта книга для самого Гримма была между всѣми его сочиненіями наиболѣе *милою*, и составленіе ея принесло ему самое чистое наслажденіе“ (стр. 289). Онъ привелъ въ исполненіе свой давнишній планъ. Гипотеза ученаго Моне, отрицавшаго народное происхожденіе романа о (лѣсѣ) Ренарѣ, и видѣвшаго въ немъ просто умышленную аллегорическую сатиру на историческія лица IX-го столѣтія, пробудила въ Гриммѣ потребность высказаться по тому же вопросу и заняться собираніемъ и изданіемъ текстовъ животнаго эпоса. Упомянутая книга и представляетъ собою такого рода сборникъ, снабженный обширнымъ введеніемъ. Обратимся же къ изложенію воззрѣній Я. Гримма на сущность животнаго эпоса; такія великія теоріи лучше всего черпать *ipsa ex fonte*.

„Поэзія не довольствовалась изображеніемъ судебъ, дѣяній и мыслей людскихъ: она захотѣла также овладѣть и скрытою жизнью животныхъ и подвести ее подъ свое вліяніе и свои законы“ (стр. I). Источникъ и почти необходимость происхожденія животныхъ басенъ кроется въ основномъ поэтическомъ воззрѣніи языка, одаряющаго все одушевленное и даже неодушевленное — родомъ и нѣкоторою личностью; притомъ животныя обладаютъ еще свободою движеній и голосомъ. Насъ при-

влекать въ животныхъ не одна только ихъ внѣшняя красота; наблюдая ихъ страсти, боли и страданія, мы принуждены признать за ними нѣкоторый analogon нашей собственной души. Невольно переносимъ мы на нихъ свойства человѣческія. Въ первобытныя времена человѣческаго общества отношенія къ животнымъ были иныя, чѣмъ теперь: охотнику и пастуху (стр. II) при пастбѣ скота, умерщвленіи дичи, преслѣдованіи хищныхъ звѣрей приходилось близко знакомиться съ бытомъ животныхъ. Дѣйствительныя границы, отдѣляющія животное отъ человѣка, наивною первобытною фантазіею постоянно стираются, подобно тому, какъ и дитя считаетъ животное себѣ равнею (стр. III). И животныя особенности тоже въ свою очередь иногда переносятся на человѣка. Саги и мнѳологіи вѣрятъ въ превращенія людей въ животныхъ, и наоборотъ; сюда же относится вѣра въ переселеніе душъ. Животныя являются то воплощеніями божествъ, то провозвѣстниками божественной воли: по звѣрямъ и птицамъ гадаютъ; звѣрями обозначаютъ созвѣздія на небѣ. Звѣри обладаютъ де своимъ языкомъ и бесѣдуютъ иногда о нашихъ судьбахъ. Наконецъ въ геральдикѣ звѣри, какъ символы, появляются на щитахъ и знаменахъ (стр. IV). Съ распространеніемъ поэзіи на эти житейскія отношенія наши къ животнымъ, очевидно, (стр. V) было порождено много преданій, отодвигавшихъ описываемыя происшествія въ область мнимаго „давно прошедшаго“ — „когда звѣри еще говорили“. Эти сказанія и послужили основою для животной басни.

Животная басня покоится на вѣрномъ и продолжительномъ основаніи всякой эпической поэзіи, на почвѣ традиціи. „Подобно (стр. VI) всякому эпосу, въ своемъ никогда не останавливаемомъ ростѣ эта басня о животныхъ обозначаетъ ступени своего развитія; она неустанно умѣетъ преобразовываться и снова возражаться, сообразно мѣсту, странѣ и измѣнившимся обстоятельствамъ человѣческихъ порядковъ“. Нельзя животныхъ басенъ выдумывать: для этого долженъ существовать матеріалъ, который не изобрѣтенъ, и котораго нельзя изобрѣсти, — матеріалъ, освященный и укрѣпленный преданіемъ.

Различіе животной басни отъ всякаго другого эпоса заключается въ слѣдующемъ: хотя послѣдній и не содержитъ на-

стоящихъ событій, но онъ граничитъ съ ними и неразрывно соединяется съ истинной исторіей; а животная басня имѣетъ, правда, основаніе, необходимо лишенное истинности, но зато получаетъ себѣ поддержку, благодаря только довѣрію къ воображенію. Какъ языкъ одаряетъ безжизненные существа родомъ, такъ и поэзія приписываетъ животнымъ и ихъ жизни исторію и событія.

Животный эпосъ обладаетъ особенною прелестью (стр. VII), какой не найдешь въ другомъ эпосѣ, и которую Я. Гриммъ полагаетъ во внутреннемъ смыслѣ элементовъ человѣческаго и животнаго. Животная басня обладаетъ двумя существенными признаками: I) животныя изображаются такъ, какъ будто они одарены человѣческимъ разумомъ и посвящены во всѣ привычки и состоянія нашей жизни; II) но вмѣстѣ съ тѣмъ пускаются въ ходъ также и особенности животной природы. Если бы въ баснѣ животнымъ не доставало человѣческаго отѣнка, то онѣ были бы безсмысленны; но, если бы сказаніямъ не доставало элемента животнаго, то изображенія были бы скучны (стр. VIII).

Отсюда слѣдуютъ и другія свойства животной басни. Въ обыкновенныхъ сказкахъ могутъ дѣйствовать и неодушевленные предметы (стр. IX). Изъ животной сказки эти послѣдніе исключаются, ибо имъ не достаетъ жизненности. Точно такъ же не подходятъ и растенія, у которыхъ жизнь не выражается замѣтнымъ образомъ. Да и между самими животными проводится замѣтное различіе. Маленькія животныя не годятся въ басню потому, что у нихъ предметомъ наблюденія и изображенія можно сдѣлать меньшее число свойствъ. Птицы годятся менѣе млекопитающихъ, ибо онѣ менѣе похожи на людей и обладаютъ своею особенною способностью — летать. Изъ четвероногихъ выбираются преимущественно мѣстные животныя — и тѣ, что побольше. Чужіе звѣри слишкомъ далеки для представляющей фантазіи. Изображаются только домашнія животныя (стр. X) и обитатели мѣстныхъ лѣсовъ, а изъ птицъ — только самыя обыкновенныя: пѣтухъ, жаворонокъ; дикая птица исключается. Изъ домашнихъ животныхъ — тѣ, которыя совершенно отдались на службу человѣку: быкъ, собака, ло-

шадь, играютъ либо не важную роль, либо и вовсе не изображаются: они, какъ совершенно ручныя, черезчуръ прозаичны. Дѣло другое: пѣтухъ и кошка, которые сохранили за собою большую независимость. Вотъ и еще общая черта животной басни съ эпосомъ вообще: оба они придерживаются мѣстныхъ героевъ. Животный эпосъ прикрѣпляетъ своихъ героевъ къ мѣстностямъ. Наконецъ, отличая нѣкоторыхъ животныхъ, и точно индивидуализируя ихъ, животная басня возводитъ ихъ въ представители и предводители всего ихъ рода; она представляетъ дѣло такъ, какъ будто бы, напримѣръ, лисъ или волкъ всего только одинъ и есть въ странѣ: басня какъ бы забываетъ о другихъ представителяхъ того же самаго звѣринаго рода; за то своего волка или лиса она надѣляетъ, какъ человѣка, собственною семьею: женою, дѣтьми.

Сообразно этой характеристикѣ, у животной басни, естественно, нѣтъ склонности къ сатирѣ. Сатира (стр. XI) по существу своему безпокойна и сознательна, полна тайныхъ намековъ. Животная басня протекаетъ спокойно, широко, безсознательно и сопровождается собственнымъ внутреннимъ удовольствіемъ. Ея содержаніе не есть изображеніе человѣческихъ историческихъ событій. Тамъ, гдѣ въ ней попадаются намеки сатирическіе, это — украшеніе чуждое и насильственное. Животная басня не есть и пародія ¹⁾ на человѣческій эпосъ; послѣдняя — гораздо позднѣйшаго происхожденія. Умышленное, искажающее подражаніе не должно быть смѣшиваемо съ безмятежною ироніею, проглядывающею въ животномъ эпосѣ.

Труднѣе опровергать то распространенное воззрѣніе, по которому съ баснею существенно сопрягаются дидактическія (стр. XII) цѣли; сама же она будто даетъ только оболочку для нравоученія. Имѣется тройкая форма такихъ басенъ: либо ученіе предоставляется выводить самому читателю, либо оно ставится въ концѣ басни, либо ей предпосылается. Первая форма есть древнѣйшая, вторая свойственна греческой баснѣ, а третья — восточной. Ожиданіе всего менѣе напрягается въ

¹⁾ Гриммъ имѣетъ здѣсь въ виду приписываемую Гомеру „Батрахоміомачію“ (война мышей и лягушекъ).

последней, ибо заранее высказанная мораль уже на половину позволяет предугадать рассказ и исходъ его. Дѣйствіе басни въ этихъ формахъ можно уподобить дѣйствію пословицы или притчи (стр. XIII).

Хотя басня имѣетъ поучительный характеръ, но ея первоначало, повидимому, не было поученіемъ. Изъ всякаго эпоса такъ же, какъ изъ животной басни, поученіе можетъ быть высосано на подобіе того, какъ извлекается сокъ изъ виноградной ягоды, въ которой не содержится еще перебродившаго вина. Тамъ, гдѣ мы имѣемъ дѣло съ моралью, предъ нами уже не свѣжая животная басня, а только ея *осадокъ*.

Содержаніе каждой настоящей басни допускаетъ множество примѣненій, а изъ простаго эпиміеія нельзя построить басни. Изъ позднѣйшей басни выжимается одна только опредѣленная аффабуляція, а изъ настоящей басни поученіе бѣгетъ ключомъ во всѣ стороны. Басня не всегда содержитъ нравоученіе и часто представляетъ лишь правило благоразумія. Глубокая черта животной басни — та, что звѣрямъ приписывается болѣе человѣческихъ пороковъ и недостатковъ, чѣмъ добродѣтелей, какъ будто все наше сходство съ ними ограничивается одною животною стороною натуры (стр. XIV). Поэтому коварство, хитрость, ярость, невѣрность, гнѣвъ, зависть, радость чужой бѣдѣ, глупость и проистекающія отсюда преступленія изображаются и выставляются въ сказаніяхъ о животныхъ, а болѣе благородныя страсти, какъ любовь, вѣрность и великодушіе,—почти никогда или мимолетно. Только храбрость и смѣлость, присущія большинству дикихъ звѣрей, не могли быть обойдены. Мораль басни обыкновенно—отрицательная. Сильнѣйшимъ доказательствомъ того, что такое примѣненіе басни случайно, служитъ примѣръ среднихъ вѣковъ, когда между прочими свѣтскими рассказами,—и изъ животной басни пробовали выводить христіанскія ученія. Какъ эти духовныя толкованія не были основаніемъ басни или существеннымъ изъ нея выводомъ, такъ же дѣло должно обстоять и съ сопровождающею басню моралью.

Таковы главныя черты гриммова ученія о сущности животной басни. О судьбахъ животной сказки Я. Гриммъ выска-

залъ много сужденій и въ поименованномъ сочиненіи, и въ другихъ позднѣйшихъ статьяхъ, о чемъ мы будемъ говорить ниже. Эти мнѣнія объ историческихъ судьбахъ животнаго эпоса у различныхъ аріоевропейскихъ народовъ впоследствии, собственно, и послужили въ научной литературѣ предметомъ самыхъ ожесточенныхъ споровъ. Основныя же ученія Я. Гримма относительно сущности и типа означеннаго рода словесныхъ произведеній и до сихъ поръ почти безъ измѣненій удерживаются достаточнымъ числомъ авторитетныхъ ученыхъ. Этихъ же воззрѣній держалось и большинство нашихъ прежнихъ русскихъ изслѣдователей; они излагаются и во всѣхъ учебникахъ (пространныхъ и краткихъ) по исторіи русской словесности. Появленіе наукъ „народной психологіи“ (*Völkerpsychologie*) и сравнительной миеологіи только подтвердило и укрѣпило теорію Гримма; а измѣненія, привнесенныя ими, можно назвать очень незначительными.

Дальнѣйшимъ развитіемъ теорій Гримма явилась очень интересная статья Л. Тоблера (*L. Tobler, Ueber die dichterische Behandlung der Thiere*), помѣщенная въ *Zeitschrift für Völkerpsychologie und Sprachwissenschaft, herausgegeben von Dr. Lazarus und Dr. Steinthal* за 1862 г., томъ II (стр. 211). „Не можетъ казаться страннымъ“, полагаетъ Тоблеръ, „что звѣри становятся предметомъ поэтическаго изображенія“. Искусство обосновывается на первоначальномъ сродствѣ чловѣка съ прочими тварями. Такъ какъ звѣри всего ближе къ чловѣку, то, повидимому, они особенно подходятъ для поэтическаго изображенія. Правда, въ силу различія, все-таки замѣчаемаго, звѣри болѣе годятся для изобразительныхъ искусствъ, чѣмъ для поэзіи, представляющей болѣе душевную, нежели тѣлесную природу (стр. 212). Самое древнѣйшее поэтическое изображеніе животныхъ есть наивно-этическое, котораго начало относится къ доисторическимъ временамъ и стоитъ въ близкой связи съ происхожденіемъ миеологіи. Для древнѣйшаго міровоззрѣнія вся природа одушевлена: различаются только степени ея жизненности. Чловѣкъ замѣчаетъ въ звѣряхъ ихъ превосходство надъ собою въ отношеніи силы, быстроты, остроты зрѣнія и т. п. (стр. 213). Ихъ образъ жизни былъ ему

непонятенъ. Ничего нѣтъ мудренаго въ томъ, что человѣкъ, забывая о самомъ себѣ, измыслилъ и представилъ себѣ причины жизни въ природѣ подъ образомъ звѣрей. Звѣри—повсюду древнѣйшіе предметы страха и почитанія и притомъ, какъ самыя боги, а не какъ символы божествъ, скрывающихся за звѣринымъ обликомъ. Остатки этого воззрѣнія уцѣлѣли еще въ суевѣріяхъ народа. Въ указанномъ періодѣ развитія здѣсь можетъ идти дѣло, конечно, только о звѣряхъ, наиболѣе извѣстныхъ охотнику и пастуху; птицы, вслѣдствіе своего свободного движенія по воздуху, особенно годятся въ носители божественныхъ свойствъ.

Хотя мифическая фантазія приписываетъ животнымъ много измышленныхъ свойствъ, но космогонію, гдѣ встрѣчаются звѣри, нельзя еще назвать звѣриною *поэзією*: здѣсь имѣется только еще подготовленіе послѣдней (стр. 214). Стоитъ лишь устранить давленіе животной мифологіи, какъ *эстетическія* чувства получаютъ просторъ. Звѣрей начинаютъ наблюдать свободнѣе. Тогда какъ къ богамъ возсылались лишь лирическіе гимны, — пробудившіяся *этическія* стремленія, помимо боговъ въ человѣческомъ и звѣриномъ образахъ, уже и самую жизнь звѣрей *между собою* дѣлаютъ предметомъ разнообразныхъ, гораздо болѣе реалистичныхъ разсказовъ; и теперь еще такіе разказы забавляютъ дѣтей. Этотъ родъ поэзіи не содержитъ еще ни поученія, ни сатиры на человѣческое общество. Впрочемъ, *древнѣйшую* форму животнаго эпоса мы знаемъ только изъ *литературныхъ обломковъ* (такъ говоритъ Гоблеръ, не зная еще славянскихъ и, особенно, русскихъ сказокъ). Въ-ра въ переселеніе душъ не относится еще ни къ животной поэзіи, ни къ животнымъ мифамъ (стр. 215), но она приводитъ насъ къ слѣдующей ступени животной поэзіи, которую можно назвать *рефлектирующе-дидактическою*.

Послѣ того, какъ человѣкообразные боги замѣнили собою обожествленныхъ животныхъ, оставалось еще произвести большой прогрессъ: и самого человѣка сдѣлать предметомъ искусства. Человѣкъ *безсознательно* даровалъ свой обликъ невидимымъ силамъ; но въ этомъ образѣ онъ наконецъ узналъ себя самого и обходомъ черезъ звѣрей и боговъ ввелъ наконецъ се-

бя въ свѣтское искусство, родившееся изъ искусства религіознаго. Но и у отдѣльнаго человѣка, и у общества успѣхи, ими достигнутые, сознаются не сразу, а раскрываются понемногу. И старое, и новое продолжают жить наряду. Такъ старый животный эпосъ (стр. 216), наводящійся дѣтямъ во всякомъ поколѣніи, и почтенный для взрослыхъ по дѣтскимъ воспоминаніямъ, продолжалъ жить наряду съ вновь появившимся эпосомъ героическимъ, воспѣвавшимъ уже силы чисто человѣческія. Эпосъ животный даже, повидимому, достигаетъ разцвѣта, но вмѣстѣ съ тѣмъ носитъ въ собѣ и зачатки гибели: онъ разрослся въ ширину, но это досталось цѣною введенія въ него человѣческихъ мотивовъ, опошленіемъ содержанія и ослабленіемъ формы. Строгаго „единства“, послѣдовательнаго хода и заключенія дѣйствія никогда не могло быть въ животномъ эпосѣ. Какъ героическій, такъ и животный эпосы первоначально состояли изъ цикловъ отдѣльныхъ, связныхъ пѣсень, оставлявшихъ просторъ для систематизаціи со стороны позднѣйшихъ обработчиковъ. Нѣкоторая простота сюжета и тона неотдѣлима отъ сущности эпоса. Когда, недовольствуясь уже животнымъ эпосомъ, какъ отраженіемъ первоначальнаго состоянія, стали отягощать его культурными чертами, тогда дѣйствіе раскололось на множество отдѣльныхъ приключеній, отчасти повторяющихся, но изъ промежутковъ между ними постоянно проглядываетъ морально-политическій смыслъ и поучительныя, или сатирическія цѣли. Отдѣльныя части большаго цѣлаго могли уцѣлѣть только подъ одѣяніемъ сказки. Пропала охота и способность (стр. 217) къ наивному изображенію животной жизни: животный эпосъ, какъ цѣлое, становится пародіею человѣческаго геройства или распадается на множество независимыхъ другъ отъ друга животныхъ басенъ. Въ развитомъ животномъ эпосѣ лежало сѣмя басни, долженствовавшей подняться на его развалинахъ. Но басню нельзя уже причислить къ звѣриной поэзіи (Thierdichtung).

Еще въ звѣриномъ эпосѣ объективный интересъ къ животному міру (какой мы и теперь еще замѣчаемъ у дѣтей) понемногу смѣнился субъективнымъ: въ волкѣ видѣли уже не

смѣлое *животное*, а *человѣка*, и притомъ не благороднаго *человѣка*—героя, какъ сначала, а только образъ наглаго, насильственнаго разбойника, часто ослѣпляемаго своею жадностью; въ *лѣсѣ* начинаютъ видѣть хитраго злодѣя; въ *борьбѣ* *лѣса* съ волкомъ и съ другими животными отражаются *человѣческія* отношенія — борьба слабѣйшаго съ сильнымъ (стр. 218), чувственнаго съ духовнымъ, эгоистическаго принципа съ нравственнымъ; сознательнымъ и аллегорическимъ перенесеніемъ *человѣческихъ* чертъ, не соотвѣтствующихъ природѣ звѣрей, было изображеніе звѣринаго государства, придворной службы, монашескаго покаянія *лѣса*. Примѣромъ перехода отъ животнаго эпоса, переходящаго на свою пагубу къ короткой баснѣ, могутъ служить средне-верхне-нѣмецкія *bîspel* (*Beispiele*), въ которыхъ довольно пространнѣйшій разсказъ звѣриной исторіи заканчивается *нравоученіемъ*. Появленіе послѣдняго показываетъ, что *человѣкъ* уже поднялся надъ животною жизнью; отсюда не великъ шагъ и до басни, гдѣ сущію является уже *поученіе*, а *самая исторія* служитъ только его поясненіемъ и доказательствомъ. Въ баснѣ звѣри являются сознательно надѣваемыми масками *человѣческихъ* личностей (стр. 219), чего не было еще въ животномъ эпосѣ,—даже и въ позднѣйшей его формѣ. Звѣри, правда, все-таки еще удерживаются; но причина этого та, что въ басняхъ предлагается мораль *низшаго* разбора, а эту низшую мораль думали сдѣлать тѣмъ естественнѣе, что она якобы является даже у звѣрей, стоящихъ ниже насъ.

Оставляя въ сторонѣ дальнѣйшія соображенія Тоблера насчетъ вѣроятной *будущей* судьбы животной басни, какъ вида эпической, или дидактической поэзіи, коснемся его мнѣнія насчетъ національностей въ изображеніи звѣрей (стр. 223). Национальныя особенности, поскольку онѣ не совпадаютъ со ступенями общемировой культуры, не вѣроятны, полагаетъ Тоблеръ, и едва ли могутъ быть показаны. Животнаго эпоса нельзя присваивать однимъ только германцамъ. Наивныя стихотворенія о звѣряхъ, вѣроятно, предшествовали индійскимъ баснямъ, греческой „Войнѣ мышей съ лягушками“ и аристофановымъ „Птицамъ“. Дидактическая басня совершенно космополитична (стр. 224), или вѣрнѣе, она, какъ и большая часть культурныхъ